

Поэт

Он ворвался в нашу жизнь как метеор. Энергия в каждом жесте, в каждом слове и сияющие глаза. До 1963 года я знала его только по роли сержанта Орлюка в фильме Юлии Солнцевой "Повесть пламенных лет", снятом точно по сценарию ее мужа Александра Довженко, в то время уже покойного. От учившихся вместе с ним во ВГИКе слышала, что в 1955 году он приехал в Киев поступать в Институт театра и кино им. Карпенко-Карого. Оказавшийся в это время в Украине мастер Александр Довженко забрал его с собой в Москву и принял на свой курс без экзаменов.

Когда Винграновский был еще студентом первого курса, украинская "Литературная газета" на развороте (с портретом автора во весь рост) опубликовала его стихи, и даже не имея ни одного сборника, он был принят в Союз писателей Украины. Это был первый и, кажется, последний случай в государстве. Разговаривал он и в Москве, и в Одессе только по-украински. Это никого не смущало, его все любили и знали, что иначе говорить он не умеет. Правда, иногда его плохо понимали и просили пояснить какую-либо фразу по-русски. Он повторял ее по-украински, но другими словами.

Лично с Мьколой Винграновским я познакомилась в 1963 году. Одесская киностудия приступила тогда к съемкам художественного фильма по остросюжетной повести Васыля Земляка "Гневный Стратион". Сценарий был написан Земляком в соавторстве с кинорежиссером Василием Левиным. Поскольку все действие происходило в партизанском отряде, съемки проводились в лесах близ Житомира. Я была редактором этого фильма. Когда приехала в съемочную группу в Дыныши, посмотрела отснятый материал, то испугалась — все было снято далеко от написанного. Мои претензии вызвали возмущение режиссера: "Но ведь я один из авторов сценария, могу и менять!".

Он не заметил, что, улучшив что-то в одном месте, ему приходилось менять ситуацию во втором, а дальше вообще ничего не связывалось, фильм распадался. В таких случаях студия, бывало, отстраняла режиссера от съемок, но Василий Николаевич Левин был одаренным человеком, интересным режиссером, и хотелось выправить дело с наименьшими потерями. Отснятый рабочий материал потребовало Министерство кинематографии Украины. На просмотре вместе с автором романа Земляком присутствовал Мькола Винграновский, он недавно закончил учебу во

ВГИКе. Передо мной стоял сержант Орлюк, те же сияющие радостью глаза, быстрые движения, озорная улыбка.

Не могу сейчас вспомнить, кто первый предложил подключить Винграновского к съемкам "Гневного Стратиона", думаю, что все-таки Земляк, но мысль эта понравилась всем.

— И фильм надо снять на украинском языке, как и роман написан, — предложил министр кинематографии Святослав Павлович Иванов.

К моему удивлению, и Земляк, и Винграновский возражали:

— Не нужно. Мы хотим, чтобы фильм смотрела вся страна.

— Мы все, что снимаем на русском, потом дублируем на украинский, — поддакнула я.

— Дублируете... — хмыкнул Святослав Павлович.

Левин в Киев не приезжал, нагонял отставание в съемках по графику. Я повезла Мыколу в Дыныши, представила Василию Николаевичу как второго режиссера — практиканта, надеясь, что когда Винграновский плотно войдет в картину, можно будет говорить о сопостановке. Мыкола сходу стал энергично предлагать различные решения. Из него так и фонтанировали идеи, оригинальные решения, метафорические образы, поэтические детали. И хотя сам Левин любил поэзию, но все, что предлагал Мыкола, было так далеко от его представлений, что он вообще перестал контактировать с новым вторым режиссером. Мыкола сразу потерял к фильму интерес, занялся своими делами. У себя в номере он работал над стихами, читал книги, которые ему привозили друзья из Киева. К нему часто приезжали писатели, поэты. И хотя он числился в штате съемочной группы, его даже не поставили в титры.

Но Одесская киностудия не хотела терять Винграновского ни как режиссера, ни как просто интересного человека, ни как поэта, которому нужна была помощь. Через студию прошло много в то время не признанных талантов. Достаточно вспомнить Булата Окуджаву, Владимира Высоцкого, Андрея Тарковского, Юрия Антонова... Кстати, в то время начинающих режиссеров, таких, как Станислав Говорухин, Петр Тодоровский, Анатолий Васильев, можно было перечислять долго.

Мыколе Винграновскому предоставили комнату в знаменитом общежитии "куряж". Вскоре туда с маленьким сыном приехала жена Лидя. В зеленом дворе студийных домов то и дело было слышно:

— Масик! Дэ ты? Масик — йисты!

И Мыкола, и Лидя, и малыш — все были масиками.

Винграновский писал вирши, беседовал с интересными людьми, кото-

рые приезжали к нему со всех концов страны, чтобы послушать, как он читает свои стихи и побеседовать с сержантом Орлюком.

В это время писал он и прозу: работал над сценарием Фильма "Сироманец", постановку которого осуществил уже в Киеве. Задумал снять фильм "Хаджибей", писал к нему эпизоды о войне с турками и об основании города Одесса, придумал много интересного. Но, как нам тогда сообщили "свыше", в постановке фильма отказали по политическим мотивам. В это время Мыкола писал много стихотворений, маленьких рассказов, давал их мне, просил перевести на русский язык. Не помню название рассказа о маленьком сельском мальчике, который во время войны раскапывал схороны полевых мышек, чтобы добыть из них немного зерна семье на кашу. Переводить его было очень трудно, так как каждая фраза — это оригинально звучащий поэтический образ. Меня поражали, казалось бы, простые, но трогательные детали. Например, мать героя, приехавшего из города в родительский дом, показывает ему найденную на горище теплую шапку:

— Тебе она уже не нужна, нехай кицьке будэ...

Сам Мыкола был родом из крестьянской семьи поселка Первомайский Николаевской области. Этого рассказа у меня нет, все, что я перевела, отдала Мыколе, но у меня еще и сейчас остались 44 страницы его рукописей, большинство из них, я думаю, уже опубликовано. А вот рассказ о матюках я нигде не встречала. И мы хотим предложить его вниманию читателей.

Не могу не вспомнить, как любил Мыкола играть в карты! Всегда предлагал: "Згуляемо в карты?". Играл он в подкидного дурака так виртуозно, что при любом раскладе карт не только выигрывал, но и "навешивал противнику погоны" из двух оставшихся шестерок. Помню одну игру у нас дома: Василь Земляк, Мыкола Винграновский, мой папа и я. Трое мужчин в тот раз с огромной выдумкой столь лихо мошенничали, что я из-за слез от хохота и карт не видела.

Винграновского часто приглашали выступать в институтах. Будучи актером и режиссером, он читал свои стихи великолепно, откровенно отвечал на вопросы студентов.

В 1964 году Одесская киностудия предложила Винграновскому вместе с опытным режиссером Мироном Белинским снять фильм на историческом сюжете "Эскадра повернула на запад" по сценарию Александра Левады. Сказать, что этот фильм стал значимым в судьбе Мыколы Степановича, нельзя, но снят он был на хорошем режиссерском уровне. А те-

ма — разложение группой большевиков флота Антанты — не была близка режиссеру.

В восьмидесятые — девяностые годы Винграновского еще больше увлекла история Украины, и он стал снимать документальные фильмы: "Чергерин — столица гетмана Богдана Хмельницкого", "Батурин — столица гетмана Ивана Мазепы", "Галич — столица князя Данилы Галицкого", "Гетман Сагайдачный". Все в этих фильмах было окрашено высоким патриотическим пафосом. В 1997 г. Мыколе Степановичу Винграновскому было присвоено звание заслуженного деятеля искусств.

Думая о Мыколе Винграновском, всегда вспоминаю такой эпизод: в "кураже" на двух узких кроватях расположились Мыкола и три его гостя — кажется, один из Латвии, второй из Литвы, третий, кажется, эстонец. Меня это не удивило, к нему часто приезжали люди, но то, что они замолчали при моем появлении, насторожило.

— Это свой человек, — представил меня Мыкола. — Знаете, как она умеет убеждать? Такой агитатор! Если она будет с нами...

— В чем и кого нужно убеждать? — поинтересовалась я.

— Наш народ в том, что Украина должна быть самостоятельной державой.

Я села на маленькую скамеечку и снизу посмотрела каждому в лицо:

— Вот что, друзья мои, если бы вы сказали "мы против советской власти", то я стала бы вам помогать. А самостийность? Это несерьезно. Что это за держава? Маленькая, беззащитная...

— Почему маленькая?! — возмутились все сразу. — Вся Франция чуть больше Одесской области.

— А в нашей Украине и советская власть лопнет, — добавил Мыкола.

Теперь, вспоминая те годы, я с удивлением поняла, что, оказывается, и тогда патриоты боролись за самостоятельность своих стран и даже объединялись. Но что меня тогда поразило, так это то, что Мыкола Винграновский вел беседу с приезжими на правильном и красивом русском языке.

Р. С. В моем архиве остались рукописи стихов и прозы Мыколы Винграновского. Часть из них уже давно напечатана. А вот этот отрывок я не видела ни в журналах, ни в книгах.

* * *

Не знаю де: чи то в коморі, чи то у погребі, чи на горищі, але в нашій хаті жили матюки. Я люблю матюки, бо мій батько починав і закінчував день матюками. Це абсолютно не значить, що він безперервно матюкався цілий день. Ні. Матюки у нього були щось на зразок гарніру до його клопотів і сердитостей.

Батько не матюкався. Матюки стирчали з його серця, як ножі. Вони з'явилися там разом з війнами, які він провоював, і разом з голодовками, за яких він не вмер, бо інакше не було б і матюків...

Я люблю матюки. Корова не слухає батька. Стоїть. Він щось каже-каже до неї — стоїть. Заматюкається — робить корова, що треба... Свина не їсть. Заматюкається — їсть. Подвір'я не метене. Заматюкається батько і починає мести подвір'я.

Їм погано борщ. Заматюкається батько — ложка веселіша у моїх руках...

...Я не люблю матюків.

